The book cover features a stylized illustration of a garden scene. In the center, a white flower with dark spots on its petals is surrounded by green leaves and dark, expressive black branches. The background is a mix of light blue and yellowish-tan, with vertical black lines suggesting a sky or a fence. A central, light-brown rectangular label with a decorative border contains the title and author's name.

НОВЕЛЛА
МАТВЕЕВА

— — —
ЛАСТОЧКИНА
ШКОЛА

©

НОВЕЛЛА
МАТВЕЕВА

ЛАСТОЧКИНА
ШКОЛА

Книга стихов и поэм

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ МОСКВА 1973

О чем эта новая книга стихов известной поэтессы Новеллы Матвеевой?

О поисках гармонии в жизни, о радости познания, о народности поэзии. Сила истинной поэзии, утверждает поэтесса, отнюдь не в отвлеченном словотворчестве, а в действительном служении народу, его идеалам добра и правды.

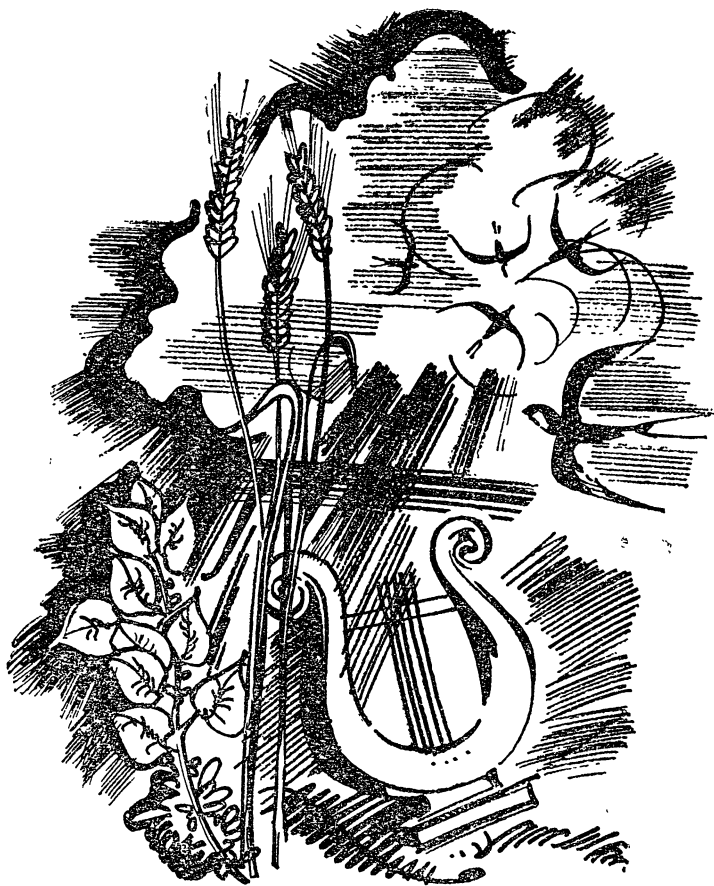
© Издательство «Советский писатель», 1973. Стихи, отмеченные звездочкой, печатались до 27 мая 1973 года.

Ивану Киуру

ЗЕЛЕНый ДОЖДЬ

ДОЖДЯ ТАК И НЕ БЫЛО...

День,
С утра подточенный,
В тучи взятый заживо.
Душное пустынное тепло...

Бабочку, что только что
По цветам зигзажила,
Вдруг
Косым порывом унесло.
Заспешило облако,
Что стояло льдиною
С белым человеком на борту...

Странно-обоснованно
Вдруг пахнуло тиною
От кустов акации в цвету...

Шорох...
Между ветками
Быстро вдруг просунется
Профиль ветра,
Бледный и резной...

Радостные запахи
В воздухе тасуются;
Лето состязается с весной

Хоть весна прошла уже,
Хоть перед верандою
Пухом, пылью, сухостью метет,
Где-то там, над омутом,
Тайно, контрабандою,
Все еще черемуха цветет.

Где-то память о весне
Капельками нижется,
Где-то предгрозово и темно...

А пчела не прячется:
Неподвижно движется
Над жасмином, как веретено...
Мгла идет шеренгами.
И учусь у лета я,
Как теням на пятки наступать...
Теневую линию
По траве преследуя,
Солнце разрастается опять...

Что ж вы, тучи, медлите?
Нуте-ка! Давайте-ка!
Сумрак нежен... Холод мне смешон...

Снится мне приветливый,
Полный одуванчиков,
Долгий
Летний
Сон...

ЗЕЛЕНЫЙ ДОЖДЬ *

Дождь зеленый шумел по канавам,—
Шла балладная мшистая мгла.
Дождь зеленый к деревьям корявым,
Засверкав, прислонял зеркала.

Шел на клены, березы, репы,
На шатры лопушиного стана,
И Сатурновы кольца тумана
Надвигал на лиловые пни.

Под травой наудачу ступая,
Хворостинки цепляя клюкой,
Прозревает фиалка слепая,
Продирает глазок голубой.

Пень, поросший зеленым сукном,
Пень, казавшийся утром конторкой,
Пахнет ветра основой тонкой,
Ливня ландышевым полотном...

Ветер линзой струи прогибает.
Вижу мимику мглы... Загребущ,

По замшелым стволам
Пробегаёт
С треском факельным каплющий плющ.

Там — черемуха валится с ног.
Там, отринув непрочный канатик,
Прямо в воздух шагнул, как лунатик,
Дуя в ниточный рупор, вьюнок...

Теплый вихрь метет по дубравам.
Прогибаемые струи
Под дубами, в разрыве кудрявом,
Искры сращивают свои.

Мнится: там, за кривящейся мглой,
Все в зеленом, стрелки Робин Гуда
Топят печку внутри изумруда,
Бледный пламень вздувают полой.

Старый ясень трясет головою,
Дерзко молниям смотрит в лицо.
По ручьистой стене
Ветровое,
Теневое катит колесо...

А за этой стеной, не шутя,
В полусне, в полутьме стекловидной
Май сияющий, май безобидный
Подрастает, как в сказке дитя.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Наконец, утомясь и опомнясь,
Шум докучный дожди прекратили.
Но закрытым остался шиповник,—
Будто в лампе огонь прикрутили.

Ночь дымила в плетней перелазях,
Сучья щелкали, капли мигали,
И вершины расщепленных вязов
Серым трепетом перебегали.

В лужах, полных небесной весной,
Тени вязов — как трубы органа.
Замираешь над бездной такою,
Хоть воды в ней — не больше стакана.

Соловей
Из пространственной трели
Строил своды, раскатывал залы...
Развернуться цветы не хотели,
Но и так (про себя) были алы.

Тихо лужи стояли по саду,
Словно лампы с остатками масла,
И за всеми их стеклами кряду
Молчаливая молния гасла.

* * *

Цвел ли, не цвел ли в низине жасмин,
В легком тумане — сквозил, не сквозил?
Бедный сказитель минувших годин,
Все-то ты выдумал, все исказил!

Знаешь другое, а помнишь — одно.
Твердую быль отгоняешь как дым.
Мутное, сорное, черное дно
Все тебе кажется дном золотым.

Царственным шагом проходят года,
Краденым блеском украсив чело...

Черпать из детства мы будем всегда,
Хоть бы и не было в нем ничего!

Ал ли, не ал ли был ранний закат,
Звал ли, не звал ли огонь вдалеке?
Темной дорогой ушел Фортунат, —
Звон самозванный в пустом кошельке!

ЛАСТОЧКИНА ШКОЛА

Владимиру Фрумкину

Ударила опера громом
Над миром притихшим и серым,
Над пламенем, с ней незнакомым.
Но первым запел «менестрель».

Но первая песня — за нищим,
Но первая — за гондольером,
За бледной швеей,
За старухой,
Качающей колыбель...

Как синее небо, простая,
Над синими
Льнами.
Как синее небо, простая,
Народная...

(Даром что царь
Давид запевал ее встарь!)

Она подымается к солнцу,
Как жаворонок над нами,

А к ночи спускается в море,
Как тонущий нежный янтарь.

Как синее небо, смиренна,
Проста и смиренна.
Как синее небо, смиренна,
Как небо, горда...
Ее распеваает извозчик,
Погонщик поет вдохновенно...
Но жуткая тишь на запятках:
Лакей не поет никогда.

...Не нам шлифовать самоцветы.
(И думать-то бросим!)
Не нам шлифовать самоцветы
И медные вещи ковать:
Ремесла сначала изучим. Но песню,—
Но песню споем — и не спросим;
Нас ласточка петь научила,
И полно о том толковать!

Напрасно сухарь-мейстерзингер
Грозит нам из старых развалин,
Напрасно
Перстом величавым
Нам путь указывает педант:
Волов погоняющий с песней
Цыган — непрофессионален,
Простак-соловей — гениален,
У жаворонка — талант.

И парии нет между парий
(Бродяг, дервишей, прокаженных,
Слепых, на соломе рожденных
Под звон андалузских гитар),
Босейшего меж босяками,
Дерзейшего из беззаконных,
В чьем сердце не мог бы открыться
Таинственный песенный дар.

...Не только в дорогах далеких,
Но в комнатах, полных дремоты,
Живой,
Неподвластный учету,
Родится неведомый звук:
Он лишнюю клавишу сыщет
И все перепутает ноты...
Блажен, кто остался цыганом
И там — под броней наук!

У песни особые тропы,
Особый у музыки разум;
Не взглядом, сухим и пристрастным,
А пальцами ищем концы.
И если мы что-то находим,
То часто чутьем, а не глазом:
Нередко (включая Гомера!)
Слепыми бывают певцы...

Под маской прогресса железной
Сокрылся кобзарь неизвестный.
Сойдя в синтетический ад,
Орфей не вернется назад.

Быть может, лишь бубен шамана,
Блуждая по искрам тумана,
Народную песню поет?..
Но кто же теперь — не народ?
В толпе современной, привычной,
На улице, к месту привинченной,
Мелькнет (не навек отмелькав)
То лира, то тень от венка,
То флейта охотничьих плачей,
Промозглых, как стрелы апачей...

И вздох
Атлантидою личной
Пройдет за бортом пиджака...

... Бежит,
Прорывается к свету
Родник Непокоя священный,—
Тростин перезвон драгоценный,
Гром кузницы, тайна, вопрос...
Посмотришь: большие романы —
Как Цезарем взятые страны,
Симфония — царство мечтаний,
Но песня — республика грез,

ОКНО

Окно открыто в сад весенний и дневной.
Блеск подоконника разглажен тишиной.
Толчками, точками — в окно влетают пчелы...
В нем гибко сцеплены жасмин, горошек, мак...

От пламенности дня в глазах веселый мрак —
Секунда слабости веселой.

До красных кирпичей дотронулся вьюнок,
Как тонкое жабо до грубых красных щек.
В тени камней стены еще дымится влага...
Окно не высоко, и есть упор для ног,
А там — прогретый путь и долгий день для шага.

Как странно между тем, что птицы не поют!
Слышны лишь редкие отрывистые фразы...
Многозначительный таинственный уют...
Лишь сыплется труха, где птицы гнезда вьют,
И тушью полночи свой полдень пишут вязы...

На запертый сарай в заброшенном углу
Роняет бузина отравленные розы...
Там,
На кирпичном (или каменном) полу
Сарая — призраки, настроивши пилу,
Танцуют, дергая друг друга за полу...
Но в жарком блеске дня смешны мне их угрозы!

... Повсюду легкий скрип, шуршанье и возня:
Тень птицы на траве — живая закорючка...

Из прутьев свежести, из тайны и огня
Дневные тени птиц плетут корзину Дня.
Тень птицы трудится, не глядя на меня...
Что ей поручено? Дно, стенка или ручка?

Где я? В каком конце их сети золотой?
В каком углу весны? В каком краю корзинки?
...Мне дятел бросил кисть из тушечницы хвои...
И странно воспарил над общей пестротой
Воздушную чертой бумажный змей тропинки.

Все, все мне нравится! Шуршанье по верхам,
В траве — ломти коры, лесных жуков коврижки,
Перемещение птиц, как в лавке опahal.
И низкий свет кустов, где вспархиваний вспышки...

Смешались весело понятия в голове...
Не хочется гадать и думать над вещами...

Плывут виденья дня по светлой мураве,
Над ними бабочки — где по три, где по две...

А в чаще
Ночь и День
Меняются плащами.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЕЙ

Телом слабый, но сияньем— сильный,
Точно дух, пузырь явился мыльный
Изнутри соломинки сквозной.

Пусть живет! Он пить и есть не просит.
(Хоть и сам дохода не приносит
Даже там, где жертвует собой.)

Все его бранят за то, что мало
Он живет. (Еще недоставало
Долго жить, где все тебя бранят!)

А дадут ли жить на свете долго?
Скажут: «Век чужой заел без толка...»
Эх! Не в том, так в этом обвинят.

Брань его покрыла толстым слоем,
Как броня. И если мы усвоим,
Сколько он за свой короткий взлет

Успеваает вынести нападок,—
Век его совсем не так уж краток:
Счастье кратко, долог век невзгод.

Слышал он проклятья кредиторов.
В счет его росли счета в конторах,
Яхты в море, виллы на горах...

Что же сам он видел, кроме мыла?
Да и мыла с ним не больше было,
Чем бывает в мыльных пузырях.

Оттого, что пуст и легковесен,
В честь его никто не сложит песен.
(Ибо скальдов вещи уста

Только Весом бредят повсеместно.
И уж если вещь тяжеловесна,
Ей простится, что она — пуста.)
... На его чуть дышащую хрупкость
Сваливают собственную грубость.
«Он такой надутый!» — говорят...

Правда есть. Но логику — найду ли?
Ведь не он надул! Его надули!
А выходит — он же виноват!

ПОЭТ *

Поэт, который тих, пока дела вершатся,
Но громок после дел,— не знает, как смешон.
Поэт не отражать, а столь же — отражаться,
Не факты воспевать, а действовать пришел.

В хвосте истории ему не место жаться.
(По закруглень дел — кого ожжет глагол?!)
Он призван небом слов, как Зевс, распоряжаться.
Он двигатель идей. Он — основатель школ.

Что значит «отразил»? Скажите, бога ради!
Поэт не озеро в кувшинковых заплатках:
Он — боль и ненависть, надежда и прогноз...

И человечество с поэтом на запятках
Подобно армии со знаменосцем сзади
И с барабанщиком, отправленным в обоз.

СВЕТОВАЯ БОЧКА

Наездник-мальчик с горы спустился:
При нем ружье, а на нем ковбойка.
А с горизонта
Свет катился
С треском и грохотом,
Как бочка...

Был день для мальчика только начат:
Сверкали камушков острья...
В пустыне встретились
Свет и мальчик,—
И мальчик выстрелил из ружья.
    Был выстрел вверх,
    Были песня и смех,
    И пыль столбом,
    И спиралью — свет,
    И конь кружился внутри луча,
    Остатки тени своей топча,
Как топчут пламя, пока не поздно...

Вдали синели разрывы чащ...
А свет — не крался, не плыл, не ползал:

Скакал, как бочка,
Шумел, как плащ...
    Как плащ под ветром, дышали горы,
    Где ткань пустыни слегка взвилась...
А бочка света распалась на створы,—
Кругами в озеро улеглась.
Я знаю много других событий,
Живых, как пятнышки в манго-луне,
Но все бледней они,
    Все забытей,
И гаснут,
    Гаснут
    Они во мне...

СОЛНЦЕ ОСЕННЕЕ

Солнце осеннее
Нежаше
Греет гряды облаков:
Это моржовое лежбище,
Пастбище дымных быков.
Гибкого моря волна,
Осыпи дюн безучастные,
Сосны до окиси красные,
Медные дозелена...

Между пеньками сосновыми
Позднее солнце ловлю.
... И без основ, и с основами —
Чайки кричат...
Я люблю
В море их блеск меловой,
В воздухе лапки сафьянные,
Тонкие вопли стеклянные,
Крылья, как сабельный бой...
Нитями, стружками,
Пробами
Цеха, не то — кустаря,

Нет! — ремешками для обуви,
Лавкою чеботаря
Водоросли рядком
Вдоль побережья расстелены,—
Тонким песком приметелены,
Выбелены ветерком...

Грустно, что все это кружево—
Моря кушак вырезной,
Творчество волн перетруженных —
Смоет такой же волной.

Нет! Не простая трава!
Надо стихиям прожорливым,
Чтобы скрипели под жерновом
Только шедевры:
Едва
От ювелира, от резчика,
От живописца картин...

Вот только первая трещинка
В берегу;
Только один

Сдвиг на песке водяной,—
А уже с моря опознаны
Блудные травы...
И позваны
Страшной морской глубиной.

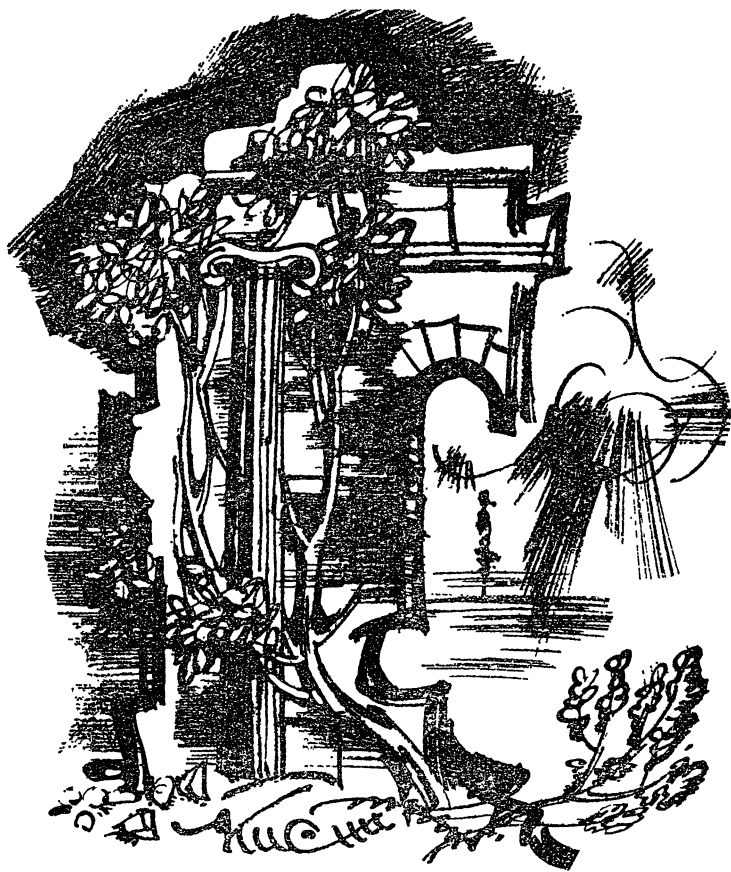
Весь этот ворох: соломки,
Лыка, подошвенных швов—

Зыбким хозяйством паломника
Стронуться с места готов...
    (Шнур, переплет, перехват —
    Смутный прообраз сандалии...
    Что-то от пройденной дали,
    Все — от позвавшей назад.)

И в тишине разговорчивой
Слышу я голос немой
(С моря — почти неразборчивый!):
«Странницы травы! Домой!»
    Словно питомцев своих
    Мать позвала бесприютная...
Может быть, я сухопутная,
Вот мне и страшно за них?

ВЕСЕЛЪЕ ЖИВОПИСИ

ИНЕЙ

На рассвете, в сумерках ледовых,
Хор берез был выше и туманней.
И стояла роща, как Людовик,—
В сизых буклях изморози ранней.

Но опять, за далями пустыми,
Красное, как будто после бури,
Встало солнце с мыслью о пустыне
В раскаленно-грезящем прищуре.

По коре взбирался, укреплялся
На ветвях его огонь раскосый,
И кудрявый иней выпрямлялся,
Делался водой простоволосой.

Иней таял, даже не стараясь
Удержаться в легкой сетке чаши,
Уменьшаясь,
Точно белый страус,
Отвернувшийся и уходящий.

ПЕЙЗАЖ-ПОСЫЛКА

Ступлю на голое серебро,
Стану под каменное перо,—
Сразу в дыханье нехватка.

Лето
Лавочкой зеленой
Тихо захлопнулось
За спиной.

Инея
Передо мной
Реющая рогатка.

Красные гроздья рябины в снегу.

В снегу

Яблоко, гнущее ветку в дугу.

В снегу

Косы осоки на скользком лугу,

В снегу

Резкая зелень на каждом шагу.

В снегу

Забытый,

В грядку забытый

Колышек алой морковки...

* * *

Возле ольхи высокой
Кусты — зеленая челядь.
За огненной осокой
Скользит вечерний лебедь.

Желтое небо лета
Искоса подогрето
Еще не взошедшей луною.
Ночь, в молодом полете,
Кисточкой водяною
Пишет рисунок ветел.

В воздухе — тополь серый
Нежен, как роговица.
В кустах
Ночная птица
Чиркнула адской серой...

День с алебардой мака,
Став на песок незвонкий,
Спит,

Увлекаемый мрака
Бархатною воронкой...

Звездам навстречу травы
Вытянулись несмело.
Ночь
Глубиной курчавой
Вкрадчиво прошумела.

К уху подкралась дали,
Ветхий сарай сырееет...
Слеп и сиренев,
Лебедь плывет в печали.

ВЕСЕЛЬЕ ЖИВОПИСИ

I

Кисть весела, и живопись красна.
Твои печали — не ее печали.
Позируй для Христа хоть Сатана,
Ей — только бы тона не подкачали.

Ей все равно, чье «Утро на причале»,
Чем «Богоматерь» вправду смущена
И заработали или украли
Лилового, на крючьях, кабана...

Лишь Гойя цену знает кабану.
Лишь Брейгелю натурой не упиться!
Но их-то я как раз не в живописцах,
А в прозорливцах горьких помяну:

Ведь ложь они презрели бескорыстно,
А истина — совсем не живописна!

II

Краски и мысли

Да здравствуют художники-французы!
Рисунок влажен, свеж и полустерт,
Но в этой мгле все так же синемблужы
Рабочие... Все так же полон порт

Волн и гудков... И грязен, словно черт...
Все те же с миром радостные узы...
Все те же ветлы, мельницы и шлюзы...
Но что за странный, сорванный аккорд?

Откуда фальшь? Душой неблагодарной
Мне не постигнуть мудрости бульварной,
Не дорасти до двойственной красы,

Мне режут слух неслаженные спевки:
Сколь дик и странен образ грязной девки,
Составленный... из капелек росы!

III

Видение

Струится в дол закат животворящий.
Но лозы в гневе. Рдея,— плеть за плеть,—
Пошли, как трещины в стене горящей,
Как щели ада, лающе алеть.

Мне снится кардинальский — то напевный,
То ржущий пурпур... Битвы ржавый свет...

До треска красный, пушечно-полдневный,
Владелец, громово-алый цвет...

Предел бесстыдства на лице безбровом.
Впервые запыхавшая щека
Низвергнутого в ад ростовщика.
Вельможный плащ. Клеймо на родниковом
Челе блудницы... Странно жжет глаза
Мне в тихий вечер тихая лоза.

ЛОЗА ВДАЛИ

Лоза в кудрях, лохмотьях и огне,
Как беглый узник замковых развалин;
Он плащ порвал и руки окровавил,
Спускаясь на веревках по стене,

Но, в двух прыжках от выцветшей травы,
Внезапно замер, даль обозревая,
Скосив глаза на варварские рвы,
И в хитрости холмы подозревая...

За этим красным ветровым пятном,
Как за огнем, слежу глазами детства
И вижу битвы, скованные сном,
На месте завертевшиеся бегства,

И неподвижный залповый огонь
Смеживших веки, грезящих погонь...

ПИТЕР БРЕЙГЕЛЬ-СТАРШИЙ *

Поэма

Хула великого мыслителя угоднее богу,
чем корыстная молитва пошляка.

Ренан

В палаццо и храмах таятся,
Мерцают, полотна и фрески.
Зажгла их рука итальянца
И скрылась в их царственном блеске...

Даль в дымке, одежды цветущи,
Фигуры ясны, но не резки...

На ликах
Огня и покоя
Слиянием — кто не пленится!
И все же (строка за строкою)
Всегда (за страницей страница)
Я Питера Брейгеля буду
Злосчастливая ученица.
Ах, лучше бы мне увязаться
Вослед за классическим Римом!

Не так-то легко и солидно
Брести по пятам уязвимым,

Ранимым... За Брейгелем-старшим,
За Брейгелем неумолимым.

Прозренья его беспощадны,
Сужденья его непреложны.
Его дураки безупречны,
Его богомольцы — безбожны.
Его отношения с вечной
Бессмертной Гармонией — сложны.

Его плясуны
К небосводу
Пудовую ногу бросают,
Как камень из катапульты...
Старухи его
Потрясают
Лица выражением тыльным
На пиршестве жизни обильном.

... Однажды
За ветками вязов,
Меж тусклых на солнышке хижин,
Увидел он пир деревенский.
И понял, что пир — неподвижен.
И только, пожалуй, бутылки
На этом пиру не застыли.

Увидел детину-танцора.
И красками в памяти выжглось,
Что фортелей в танце — изрядно,
Но главное в нем — неподвижность.
А с публикой тоже неладно,
И главное в ней — неподвижность.

Молчанье росло, невзирая
На стук деревянных бареток.
Был танец такой деревянный —
Как пляска хмельных табуреток...
И ста языков заплетанье...
И все это — разве не тайна?

И молния быстрой догадки,
Что некий мясник — мимолетен,
Как перышко, как сновиденье...
Хотя предостаточно плотен,
И нет на лице трепетанья...

Не странность ли это? Не тайна?!

Сплошной, носовой, анонимный
И ханжеский гомон волюнок
Зудел, обволакивал танец
Волной звуковых паутинок...

Но странным молчанием тянет
От гульбищ на этих картинах.
И слышу: как музыка листьев —
Тишайшая! — голос пронесся:

«Те фортели были недвижны
Задолго до их переноса
На Брейгелевы полотна!
То, плотное — было бесплотно!..»

Симпатией приятной
К художнику влеком,
Хохочущий Заказчик
Бряцает кошельком.

Он ехал из Брабанта,—
Звенели стремяна,
Позвякивали шпоры,
Как звякает казна.

Звенела вся лошадка:
Ступив на поворот,
Копилочною щелью
Ощеривала рот.

Он ехал из Брабанта,—
Пунцовый от вина...
И нес
Весенний ветер
С деревьев семена...

...Он смотрит на картину,
Он пятится назад.

Он бьет себя по ляжкам
(И ляжки вдруг звенят).

Он мастера находит,
В простой беседе с ним,
То Брейгелем Мужичким,
То Брейгелем Смешным...

Воистину, зрелища явны:
Зачем бы скрывать показное?
На публике зрелища зреют,
Как рожь под ударами зноя.

Тем более дорого стоит,
Кто тайное в явном откроет.

О, каверзный Брейгель!
Простейшие пьянки и пляски,
Как жуткую тайну, открыл он.
Как заговор, предал огласке.
И взгляд уловил моментально,
Что это действительно — тайна.

Не тайна — пещеры драконов
И пропасти черной Гекаты.
Таинственен
Подслеповатый,
Приплюснутый,
Тусклый,

Бесвязный,
Создания перл компромиссный,
Творенья венец безобразный.

Таинственно все, что ничтожно.
Таинственно,
Невероятно!
Понятьем объять невозможно.
И, значит, оно необъятно!
Великое измеримо.
Ничтожное необъятно!

Бессмертие вовсе не странно,
Но смерть изумляет, ей-богу!
... Прогнать ее тщась,
Неустанно
Названивал Брейгель тревогу:
Веревки на всех колокольнях,
Звоня,
Оборвал понемногу...

Как блики на пряжках башмачных,
Как срезки мертвецкой фланели,
Как сыр,— у натурщиков жутких
Створоженно бельма тускнели
В последней картине «Слепые»,
Застыв на последнем пределе.

С тех пор,
Подвернувшись попутно,

Слепых принимает канава:
Извечно,
Ежеминутно...

Но где же Гармония, право?
Где длинные трубы-фанфары,
Звучащие так величаво?!

Ступает Гармония ровно.
Нигде не сбивается с шага.
Один ее взор,
Безусловно,
Для нас величайшее благо!
А плащ ее — ветер весенний
Для целого Архипелага.

Верна, постоянна,
Как Разум, Душа и Святыня...
Но жаль: не указано точно,
Где именно

Эта богиня
Слоняется?
Лес?
Катакомбы?
Край пропасти?
Пустошь?
Пустыня?

Я карту дорог раскатаю,
Я путь ее, в шутку, размечу...

А спросят: «Гармония — сказка?»
«Чистейшая правда!» — отвечу,
Но я-то пока не питаю
Надежды на личную встречу.

А есть же на свете — ей-богу! —
Счастливики, вещие люди:
Они ежедневно, помногу,
По их показаниям судя,
Гармонию зрят!
И свободно
Об этом калякают чуде!

Ну что же!
К юродивым часто
Нисходит святой в ореоле.
По-свойски: с какой-нибудь пастой
Иль мазью от мелочной боли...
А вместо святого явиться
Не может Гармония, что ли?

Но даже прохвосты (обычно
Причастные каждой святыне,
А им-то уж точно и лично
Известны приметы богини!),
Не чаю, когда разобяжут
И где ее встретить — подскажут.

Гармония!
В мире не мирном,
Скрипящем, наморщенном, сложном,
Готовом низвергнуться в бездну

При слове неосторожном,—
Дурак, ограниченный малый —
Один гармоничен, пожалуй.

Гармония?
Сладко мечтая,
На древних руинах Эллады
Один восседал бы... Другие
Сидеть на сегодняшних рады,
В развалинах греясь привычно,
Вписав себя в них гармонично,
Публично
Крича от придуманной боли
В действительно трудной юдоли.

Антверпен покидает
Заказчик-пилигрим.
Занятных две картины
Слуга везет за ним.

На будущей неделе
Заказчик будет сам
Потешные картины
Показывать гостям.

...Боярышник пушистый
Сиял ему в глаза...
А где-то за холмами
Невнятно шла гроза,

И тщетно пилигриму
Шептал вечерний зной,

Что Брейгель — не Мужичкий,
Что Брейгель — не Смешной

Что, может быть, не стоит
Гостей-то приглашать?
Что в мир приходит гений
Не тешить, а мешать,

Что страшно он смеется.
(Не там ли, за холмом,
Он, кашляя, смеется,
Как сумеречный гром,
Большие бочки смеха
Куда-то вдаль катя?..)
Но ты дремли! Не бойся,
Усатое дитя!

Закат поджарил рощи
На бронзовой золе..

Спи телом,
Спи душою,
Спи дома,
Спи в седле...

...При мысли о душах надежных,
Разгадывать кои не надо:
К раскрытию коих
Подходят
Ключи от амбара и склада,—

Всегда ли резонно — не знаю,
Но Брейгеля я вспоминаю.

При мысли о лицах несложных,
Рекламящих фирму покоя
(На задней стене мыловарни
Всегда выраженье такое!
На брусках, на дубе стропильном...);
При мысли о каменно-мыльном,
О твердо-подошвенном взоре
Асфальтовых глаз Примитива;
О пальце картофельно-белом
На кнопке вселенского взрыва;
О судьбах, скользящих по краю,—
Я Брейгеля вспоминаю.

При мысли о логике нищей,
О разуме задремавшем,
О стоптанном ухе,
Приникшем
К железным чудовищным маршам,—
О Брейгеле я вспоминаю —
О Питере Брейгеле-старшем.

* * *

За санаторием, что скован «мертвым часом»,
Чья задняя стена к реке обращена,
Обрывы лепятся к сияющим террасам,
Цветут подснежники и носится весна.

Спускающимся в ров крапивным темным массам
Значительность лесов дарует тишина...
Весенний склон горы — как дикая страна
С глядящим из кустов печальным папуасом...

Не бойся «странности», в душе хранимой свято!
Не бойся лестницы, с которой вниз когда-то
Скатился красный мяч... И укатился он

Туда, где страх весны и детский ад крапивы,
Террасы превращаются в обрывы,
Подснежник — в горький плач, и остальное —
В сон...

ЖИЗНЬ И КНИГА

I

Философы, вникающие в Суть!
Художники! — блистательное племя,
Чья жизнь — мечта, надежда, подвиг, бремя! —
На ваш пример мне страшно и взглянуть,

Чтоб «книжной» не прозваться как-нибудь...
Почтенней вас, выходит, даже семя
Крапивы, презираемое всеми:
Его-то ведь не грех упомянуть!

Что! Даже черт (не к ночи будь помянут!)
Опять-таки звучит при свете дня.
А скажешь «Кант» — и днем их уши вянут...

Стою без слов над тайной непостижной:
За то ль зовусь «нежизненной» и книжной,
Что буквы книг так живы для меня?

II

Я не с листа писала на листок,
Я не из книги в книгу заносила!
Но знаю: книга — жизненный исток.
Пресс Гутенберга — жизненная сила.

Я на рембовском «Пьяном корабле»
В цитатный порт ни разу не являлась.
Но я «литературностью» Рабле,
Я «книжностью» Эразма вдохновлялась.

«Оторваны» мои учителя
От «гущи жизни» — как никто на свете!
Гомера ворошат чего-то для,
За тогу римлян держатся, как дети...
Смешно сказать! — им слышится из книг
Такой же — человеческий! — язык.

III

Живой да будет каждая строка!
Из жизни черпай злато размышлений!
Но жизнь — помилуй! — разве так ярка
И так сильна, как выраженный гений?

Не хмурь многозначительно бровей,
Не покрывайся складками страданий!
Всего полней (не спорь!), всего живей
Жизнь гения и жизнь его созданий.

А нет,— оспорь Шекспира. Вот где зло!
...За окнами бушует Лондон ярый:

Там — лязг и грохот. Джонсон и Марло...
А он — корпит над летописью старой.

Не в жизни взял: с пергамента «списал»!
Но кто нам сердце глубже потрясал?

СИЮ ЖЕ МИНУТУ ПРОВЕРИТЬ ВЕКАМИ

Бесславного гневит прославленный коллега.
Как будто слава — хлеб отобранный, телега,
Везущая не всех... А слава — степь без края,
Где каждый волен взять свою пригоршню снега...
Чтоб не забыли мы, какой поэт забыт,
И вспомнили опять: кто нынче знаменит,
Пусть критик (подтвердив безвестность
безызвестных)

Нас о известности известных известит.
Как? Слава кончилась?! Где? Чья? Какая жалость!
На это зрелище опять толпа сбежалась.
И если рассудить по ярости забвенья,
Легко предположить, что слава — продолжалась.
О! Слава автора действительно хитра,
Когда поют ее десятка с полтора
Пристрастных деникинов! Но то ж — не столько слава,
Сколь пар без лошади и дужка без ведра.
Друг! Радуюсь за тех, чья слава миновала,
Как сам ты избежал столь грустного провала?
Прикрывшись и зардясь, мне критик отвечает:
«Забвенью не бывать, где славы не бывало».

* * *

Весной, весной,
Среди первых подслеженных,
С поличным пойманных за рукав,
Уже вывертывается подснежник
Из слабой раковинки листка.
Шуршит девятка фиалки трефовой
На низких вытянутых ветрах...
Летят, как перья по шляпе фетровой,
По голым землям метелки трав.

Весна скрывает свое блистанье.
Но дышит, воздушных полна пузырьков,
Неплотным слоем — хвоя старая,
Где много ландышевых штыков,
Соринок, ветром с плеча сдуваемых...
А там — спускающийся узор
Подводных листьев, как чай заваренных
В красно-коричневой чаше озер...
... Мокрые оси утиных вселенных —
Свищут тростинки в углах сокровенных.
Ветер...
Вставая на стремяна,
Мчит полувидимая Весна.

Скачет сухой, не одетой дубровой...
Конь ее сер и опутан травой...
В темной ствольбе — амазонки лиловой
Неуловимый наклон ветровой.

Так и у птиц
Сквозь перо ледяное,
Тусклое,
Кажется, видишь весною
Медно-зеленый под бархатом крест.

Так, между пнями,
Во мгле пережня,
Неуследимый лиловый подтекст,
Мнится, читаешь...

ПЕРЬЯ ДЛЯ СТРЕЛ

КОНЕЦ АВАНТЮРИЗМА

Он, я знаю, считает себя очень ловким,
потому что поступает подло...

Бернард Шоу (письма)

Сумерки грехов

Старинные багровые светила
Больших грехов склонились на закат.
Но добродетель их не заменила.
На смену — похотлив, жуликоват —

Пришел Грешок. Но многие твердят:
«В нем — демонизм, огонь, свобода, сила...»
Что ж, повторим: столетья три назад,
Наверно, в нем, и правда, что-то было?

Когда он виселицы украшал,
Монастырей каноны нарушал
(По грозной схеме: Страсть. Позор. Темница...).
Но нет картины жальче и мерзей,
Когда, свободный, с помощью друзей,
Трус и пошляк над честностью глумится.

Краh авантюризма

Не поминай Дюма, узнав авантюриста!
Увы! Сей рыцарь пал до маленьких страстей
И ужас как далек от царственного свиста
Над океанами терзаемых снастей.

Уж не фехтует он. Верхом в ночи не скачет.
Не шутит под свинцом на голову свою.
А трусит, мелко мстит, от ненависти плачет...
По трупам — ходит ли? О да! Но не в бою.

Неведомы ему и той морали крохи,
Что знали хитрецы напудренной эпохи:
Он даже *дерзостью* их вольной пренебрег,

И *наглостью* берет (нарочно спутав слово).
Ах! Добродетели падение — не ново:
Новее наблюдать, как низко пал порок.

* * *

Кудри, подъятые ветром,
Вольный, порывистый вид...
С дикой скалы
Обыватель
В бурное море глядит.

Платье на нем пилигрима,
Посох убогий при нем.
Щеки что розаны рдеют,
Очи пылают огнем.

Рев комфортабельной бури...
Страстный, восторженный сплин...
Все в этом мире возможно:
Даже моряк-мещанин...

Сказку Сервантеса вспомнить
Рад иногда и сервант:
В нем затрепещут бокалы,
Словно заржет Росинант...

Лавочник
Любит дукаты,
Но и к мечтам не суров...
(Тонет «Летучий голландец»
С грузом голландских сыров...)

Все выполнимо на свете!
Словно молоденький ствол,
Раз
Под рукою поэта
Посох цветами зацвел...
(С тополем, корня лишенным,
То же бывает весной...)
Все в этом мире возможно
(Кроме безделки одной).

Только одно невозможно
(Хоть и не стоит труда):
Палка с дуплом для дукатов
Не зацветет никогда.

Что значит «мещанин» — как следует не ясно.
Непознаваема его земная суть.
Пытаясь уловить его натуры ртуть,
Умы сильнейшие срываются напрасно.

Одно устойчиво, одно бесспорно в нем:
Всегда романтика была ему отрада!
Он — дерзостный Икар (когда лететь не надо),
Пустынный Робинзон (при обществе большом)...

В его понятии смешались воедино
Стриптиз и... Золушка. Горшок и бригантина.
Доспехи ратника — и низменная лесть...

О, как бы он желал безумства Дон Кихота
Безумно повторить! (Но из того расчета,
Чтоб с этим связанных убытков не понести.)

НА ПОРОГЕ НОЧИ *

У тропки вечерней
Сиренево-серный
И серо-лиловый оттенок.
И, словно орех,
Который, созрев,
Отходит от собственных стенок,
Отходит луна
От небес волокна,
От облачка, полного сока,
И к легкому своду уходит она
Отколото,
Одиноко...

Деревьев цыганские тени
Кудрями дорогу метут...

Вдали, в стороне, в запустенье
Дымится и светится пруд,
    Как пир светляков
    И как пар по овину,
    Как жар, потухающий в трубке цыгана,

Попав под рукав,
Под сырую овчину
Тумана...

Оттуда,
Из сырости грустной,
В лесок сухокудрый летит, кувыряясь,

сова:

Крыла ее шустро-грузные,
Как порхающие жернова.

Летит сова

Прозорливо

И слепо,—

С живых порханий посмертный слепок,—
Движением тяжким и скорым, как шок.

Летит клочковато,

Летит нелепо,

Летит, как зашитая в серый мешок

С косыми прорезями для глаз...

Как пляска ладьи, где отшибло и руль и

компас,

В воздухе свежем танец ее корявый...

Прочь, абсурдная,

Прочь!

...За черной, как пропасть, канавой

Стеклобно блистают кусты,

как сосуды с целебным настоем,—

Это вступление в ночь...

Ночь.

Как столбики и как дуги,
Над теплым,
Над сиротливым простором
Стоят неподвижные звуки.

ГРЕЦИЯ

Поэма

И когда пресловутые римляне
Греков дремлющих покорили,
И рядиться по-гречески стали,
И по-гречески заговорили,
    Грубым римлянам перевязь эллинов
    Подошла, как корове седло.
    А захватническое достоинство
    В этом случае не помогло.
Ослепили богов прозорливых
И напыщили величавых.
Что-то сделали вроде завивки
Из волос, от природы курчавых...
    На таинственных вещих искусствах
    Отпечатался нудный размах:
    Вроде пуговиц на воротах
    Или кружев на жерновах.
Можно видеть на римском примере,
Как, в безбожно-неистой вере,
Неумеренность поклонялась
Удивительной эллинской мере.

(Чувство меры не слишком ли скромно
На земле, чьим сынам не восстать?
Чувство меры должно быть огромно —
Победителю Риму под статы!)

Перекормленные колоннады,
Многоярусные подбородки...
«Замечаешь ли, что у Флавия
Что-то греческое в походке?»

И решили (для полного сходства)
Меру греков, рванув, растянуть
До персидских границ. Безобразными
Золотыми гирляндами грудь

Разукрасить у греческих статуй,
Вдохновенно-пропорциональных...
И не слышать подсказа в напевах
Песен греческих, сладко-печальных

(Под влиянием Парфенона! —
Чуть не кольца таская в ноздре),
И не смысла ни в доблести пленников,
Ни в награбленном странном добре.

...Посягают на ядра и зерна,
А крадут оболочки да шкурки!
Есть парящие в воздухе клады,
До которых ни персы, ни турки
Не прорубятся...
Вот так победа!
С победителем
Самый трофей
Обращается как победитель,
Угрожающий в сути своей.

Никогда не пришло возмездие.
Никогда оно Риму не снилось.
Безобидно расположились
В римском климате греческий стилос,
    Песня, чаша да тень колонны —
    Скарб,
    Ничем не опасный пока
    (Разве ненавистью поколений,
    Простирающейся в века).

Небожители- олимпийцы
Приспособились к жалкому плену:
Бог войны дезертировал в цирки,
Кровь и смерть перенес на арену.
    Артемида — игра и охота —
    Приусловились к богу войны...
    Только грозные стрелы Эроta
    Из губительных стали смешны.

Растворилась Греция в Риме,
Как жемчужина в чаше яда.
Этот выветренный по крохам
Ветхий берег — уже не Эллада.
    Этот грунт испитой, сыпучий,
    Омываемый не спеша,
    Только храм, а не жрец во храме.
    Только тело одно — не душа.

Но взгляни за черту горизонта,
Вдаль, где острые ласточки вьются,
Где с душистых темнеющих пиний
В стадиона гигантское блюдце
    Каплют сумерки нежной смолою,
    Где укроповый вечер свежей,—

Что за облачко в небе витает,
Окруженное стражей стрижей?
Там витает — фиалковолоса,
Копьеносна, пестрообута,
Бестелесна, как ворох тумана,
Как плывущая в небе Лапута,
Суверенна, неуязвима,
Непонятна, не пленена —
Неподвластная воинам Рима,
Неизвестная Риму страна.

ПЕСНЯ СВОБОДЫ *

Из дальних стран пришел бродяга нищий
И все бродил по улицам Мадрида.
Но не просил ни крова он, ни пищи:
Он только пел, пел для тебя,
    Старый Мадрид.

При первом слове той чудесной песни
Склонились девушки со всех балконов,
Весь город ожил, улицы воскресли,—
Смеялся, плакал и вздыхал
    Старый Мадрид.

— Где были вы, сеньор, все эти годы?
Где прятали ваш голос, ваши песни?
И неужели музыка Свободы
Всех песен вам дороже и милей?

— Я был в изгнание, под холодным солнцем,
Но не жалел, что полюбил Свободу:
Кому дано за родину бороться,
Тот чаще всех живет в разлуке с ней.

И снова, снова струны трогал странник,
И трепетал жасмин в садах Мадрида...
Летели дни... А патриот-изгнанник
Все звонче пел, пел для тебя,
    Старый Мадрид!

Когда же враг в Испанию ворвался
И черный дым затмил чело Мадрида,—
Он как герой на улицах сражался
И с честью пал. Пал за тебя,
    Старый Мадрид.

МЕЧТА О НЕДРУГЕ

Не могу расстаться с вами я без боя...

«Песнь о моем Сиде»

Искать себе врагов прямых, как солнце юга,
Открытых, царственных — не велика заслуга:
Как можно требовать, дружище, от врага,
Чего не требуют обычно и от друга?

Напрасно, старина, в мечтании прелестном
Ты мыслишь о враге прямом, открытом, честном.
Крепись! Бери его таким, каков он есть:
Злым, хищным, маленьким, тупым... Неинтересным...

И враг же у тебя! Отвага в честном взгляде,
Лежачего не бьет, не нападает сзади...
Послушай! Вот тебе пяток моих друзей,
Но этого врага — отдай мне, бога ради!

Я недругу за ложь коварством не плачу,
Но нежность к недругу мне вряд ли по плечу.
Стараюсь поступать, как честь повелевает.
Позволь хоть чувствовать мне так, как я хочу!

С ним ладишь, кажется, а он грозит борьбой.
Но другом скажется, когда объявишь бой.
Ни дружбы, ни вражды, скотина, не выносит!
Нет, не таких врагов искали мы с тобой.

У деда моего был, сказывают, враг:
В раздоре — золото, сокровище для драк:
Не сразу нападет, а крикнет: «Защищайся!»
Никто, никто уже теперь не крикнет так!

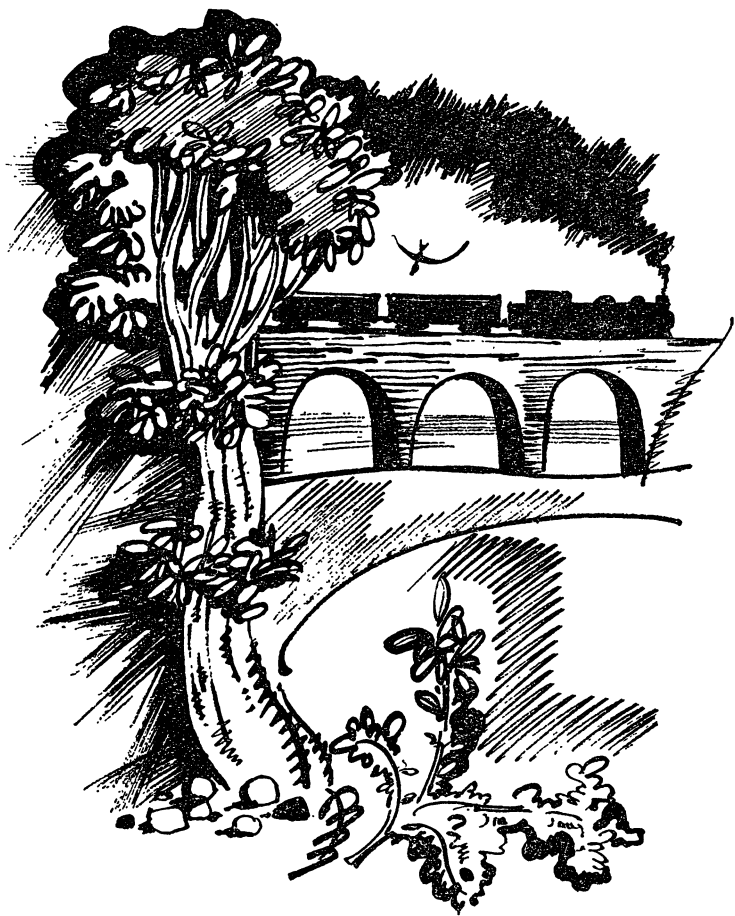

...В росе, в росе, листва дубов
И облетевшая — свежа.
И светят шапочки грибов,
Как масло, снятое с ножа.

Но кабы с каждой вещи снять
Заклятья знак, молчанья мрак,—
И пни могли бы рассказать,
Что есть у этой роши — враг.

Чужой был ночью в сердце астр!
Суровой тайной их ожгло.
И отпустило... И прошло...
Но улыбнуться — уж не даст.

ПЕСТРЫЙ ЛАРЧИК

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что поэзия — дух,
Равнообъемлющий дух. Но поэт
Выберет главное даже из двух.

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что поэзия — плоть.
Так отчего же не любит поэт
Всякую тварь, как задумал господь?

Определенья поэзии нет.
Мы бы назвали поэзию — сном.
Что же ты в драку суешься, поэт?
Вправе ли спящий грозить кулаком?

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что поэзия — явь.
Что же ты в драку суешься, поэт,
Трезвому голосу яви не вняв?

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что в поэзии — суть.

Так отчего же — за тысячи лет —
Ей от сомнений нельзя отдохнуть?

...Есть очертанья у туч грозových,
А у любви и у музыки — нет...
Вечная тайна! Сама назовись!
Кто ты, поэзия? Дай мне ответ!

Кто ты и что ты? Явись, расскажи!
Ложь рифмоплета тщеславия для?
Так отчего же столь горестной лжи
Тысячелетьями верит земля?

ПЕРЕВОДЧИК

Вильгельму Вениаминовичу Левину

Кто мог бы стать Рембо? Никто из нас.
И даже сам Рембо не мог бы лично
Опять родиться, стать собой вторично
И вновь создать уж созданное раз.

А переводчик — может. Те слова,
Что раз дались, но больше не дадутся
Бодлеру — диво! — вновь на стол кладутся.
Как?! Та минутка хрупкая жива?

И хрупкостью пробила срок столетний?
Пришла опять? К другому? Не к тому?
Та муза, чей приход (всегда — последний)
Был предназначен только одному?!

Чу! Дальний звон... Сверхтайное творится:
Сейчас неповторимость — повторится.

БАЛЛАДА КРУГА

Счастья искать я ничуть не устала.
Да и не то чтобы слишком искала
Этот зарытый пиратами клад.

Только бы видеть листочки да лучики...
Только бы чаще мне были попутчики:
Тень на тропинке,
Полет паутинки
И рощи несумрачный взгляд.

Но измогильно, откуда-то снизу,
Жизнь поднялась. И под черную ризу
Спрятала звезды, восход и закат...
Ну и повисила ж, ведьма, в цене
Это немного, нужное мне:
Тень на тропинке,
Полет паутинки
И рощи несумрачный взгляд!

Ну, я сказала, раз так, я сказала,
Что ж! Я сорву с тебя, жизнь, покрывало!
А не сорву — не беда. Наугад

В борьбе с тобою,
В борьбе с собою,
В борьбе с судьбою
Добуду с бою
    Тень на тропинке,
    Полет паутинки
    И рощи несумрачный взгляд!

Глупо, однако, что посланный на дом
Воздух и лес, колыхавшийся рядом,
Надо оспаривать, ринувшись в ад,
Дабы, вернувшись дорогой окольной,
Кровью купить этот воздух привольный,
    Тень на тропинке,
    Полет паутинки
    И рощи несумрачный взгляд...

Вижу я даль с городами громадными,
Дымные горы с тоннелями жадными,
Грозного моря железный накат,
Но не схожу с великаньего тракта
В поисках трех лилипутиков. Как-то
    Тень на тропинке,
    Полет паутинки
    И рощи приветливый взгляд...

Так из-за нужного массу ненужного
Робкий старик накопил. И натужливо
В тачке увозит томов пятьдесят —
Ради заморыша спец-приложения!
Где вы?
За вас принимаю сражение,

Тень на тропинке,
Полет паутинки
И рощи таинственный взгляд!

...Что же лежу я под соснами старыми?
Что не встаю обменяться ударами?
Пластырем липнет ко лбу листопад.
Латы росой покрываются мятые.
Жизни вы стоили мне, растреклятые! —
Тень на тропинке,
Полет паутинки
И роща, где вязы шумят.

ПОЗНАНИЕ

I

Страх познания

Познание — скорбь. Как на огне каштан
Трещит по швам, так сердце рвется в Хаос.
Но страх познания кончится. А там —
Опять начнется радость, доктор Фауст!

Та радость будет высшей. Но усталость
И вековечный страх мешают вам
Из-под руин отрыть бессмертный храм,
Хоть до него и дюйма не осталось.

Смертельно страшных шесть открыв дверей,
Ученый муж захлопнул их скорей,
Седьмой же — и коснулся побоялся.

А именно за ней рос чудный сад,
Где пел источник, вспыхивал гранат
И свежий день задумчиво смеялся.

II

Очертя голову

Не заботясь о конце благополучном,
Сшиблись яростно, как бык и матадор,
Открывателя веселенький задор
С угрожающим открытием научным.

Да свершается науки торжество!
Открывателя не гложет червь сомнений:
В тайну вечности его вникает гений,
Но вникает ли и гений: для чего?

Ради шума? Ради прыткости спортивной?
Ради Истины? (Уж слишком «объективной»,—
Равнодушной, как чудовищная ложь.)

Хорошо, что не капральская отвага
Стала качеством астролога и мага,
А руки предупреждающая дрожь...

III

Как это сделано?

Мир — цельным вижу я, как юноша Новалис.
Мир — песня, спетая одним движеньем губ.
На звуки разломать и песню рад анализ,
Но звук, отщепленный от песни, — страшный
труп.

Мы тайной бытия силком овладеваем.
Вопросы жуткие природе задаем:

РОЖЬ

Страшно мне за рожь перед грозой!
Вот уж пополудни скоро шесть,
В ней же и разгневанному зною
И дневному блеску место есть.

В красной мгле ее сухих разливов
Будто шерсть горящая трещит,
Будто электрический загривок
Медных кошек... Будто медный щит
Собранного к битве полководца,
Рдеет поле с трещиной межи:
Искры неба ждет — не дозвется
Искра, затаенная во ржи.

Но безвредней капли застучали,
Благодушной, чем земля ждала.
В каждой капле тлел заряд печали,
Но угрозу ночь превозмогла.

Сломанные, смятые плюмажи
Тихо уронив за край земли,

Навзничь, как подкупленные стражи,
Пьяные колосья полегли...

Подобрался низенький туманец,
Упаковку блеска разорвал,
Затаенный в воздухе румянец,
Как живую розу, своровал...

Не боюсь огней небесной боли!
Мне не страшно искры той сухой.
Поскучнев, межа уходит с поля
И, намокнув, таснет за ольхой.

ОШИБКИ ЗАВИСТИ

Зависть есть признание себя побежденным.

Скрябин

- 1 Честность работает. Мудрость вопросы решает.
Зависть — одна лишь! — досуга себя не лишает.
Ах! Не трудом же назвать неустанное рвенье,
С коим она и труду и таланту мешает.
- 2 Даже завидуя гению, зависть ленива,
Даже завидуя диву труда — нерадива,
Даже завидуя доброму делу — злонравна,
Даже завидуя правде — коварна и лжива.
- 3 Будь осторожен! Завидуя славной судьбе
Славного брата,— по скользкой же ходишь тропе! —
Сам рассчитай, посягая на всю его славу:
Все его подвиги делать придется тебе.
- 4 Где та гора, что завистники встарь своротили?
Где те моря, что завистники вплавь переплыли?
Очень бы я почему-то услышать хотела
Истину ту, что завистники миру открыли!

- 5 Люди всему позавидуют, надо — не надо.
Если вы Гойя — завидуют горечи взгляда,
Если вы Данте — они восклицают: «Еще бы!
Я и не то сочинил бы в условиях ада!»
- 6 «Хочешь ли видеть собрата простертым у ног
Или в него самого обратиться разок?» —
Дьявол спросил у завистника. Но одновременно
Оба заказа — и дьявол исполнить не мог.

ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Ключи от подземелий подсознания
Звенят опять на поясе моем.
Сегодня я, заблудшее создание,
Сойду туда с коптящим фонарем.

Как воют своды в страшной анфиладе!
А впрочем, выясняется в конце,
Что все подвалы наши — на эстраде.
Все тайны, как посмотришь,— на лице.

А что? И подсознание — снаружи!
Все просто: нам получше — вам похуже,

Кот хочет сала, палки просит пес,
Успех собрата мучит нас до слез...

Но чтоб до истин этих доискаться,
Не стоит в преисподнюю спускаться!

ЛИКИ ЛЬДА

Как зима беспредельна!
У льда одного — сколько ликов!
Кувыркающихся,
Составляющихся
Из бликов,
Задирающих бровь, недовольных, зеленых, грозящих,
Пропускающих свет и скольжение лучей тормозящих...

С убегающим взглядом, вертящихся, как на шарнирах,
Акварельных, игрушечных, радужных, линзообразных...
Сколько ликов и видов!
То сыростью нежных и сирых,
То по-царски алмазных, то нищенски-бедных и грязных...

Пушки солнца палят. Разрываются блеска снаряды.
Поднимаются в воздух сверканья лежалого склады,
И лучей арсеналы взрываются. Но молчаливы,
Но безмолвны, беззвучны, безгласны их залпы и взрывы...

Сколько ликов у льда!
Он подобен, вертясь перед вами,
Отражению в ложке, в зрачке, в колесе, в самоваре.

Но его отражения — сжатей, подавленной, глуше:
Будто издали, искоса в зеркало смотрятся души,
Подойти не решаясь и честно в стекло поглядеться.

Чтобы глянуть прямее, им надобно долго вертеться,
Приспосабливаясь, пристраиваясь, переминаясь,
Уменьшаясь, кончаясь, вытягиваясь... Начинаясь
От другого конца... И, как зонт осьминога, сминаясь...

Ну а что, если вдруг остановится скользкая рама?
И фантомы зимы подойдут и посмотрятся прямо?
И откроешь, дрожа, что и вечность не беспредельна?

Я люблю эту даль. Я боюсь этой дали смертельно!

Сколько ликов у льда!
Он бывает пустым, облегченным,
Серым, сетчатым, перистым, мокрым, весенним, сеченым,
Черным, пильчатым, ржавым, дыханьем тепла
омраченным,

Мутным,
Грозным,
Слепым...

С чем-то красным, внутри запеченным...

В поздних сумерках бурая льдина гнетет, беспокоя:
Что за душная тень угнездилась в холодном и светлом?!
Как растает, — вернуться, взглядеться, узнать: что такое...
Может статься, весной наважденье развеется с ветром?

Но всегда по весне забываешь о каверзной льдине
И, скорей чем о льдине, о тени в ее середине.

И, скорей чем о тени, о месте, где, словно с пожара
Головня остекленная,— странная льдина лежала...
О зиме без конца, о тоске без конца и начала
И о всей многоликости льда...

ПЕСТРЫЙ ЛАРЧИК

Рубаи

- 1 Кто умен — не хитер. Кто хитер — не умен.
От начала времен до скончанья времен
Неизменным останется вечный закон:
Кто умен — не хитер. Кто хитер — не умен.
- 2 Скупой берет за все: за чувство раздраженья,
С каким он грабит вас (в порядке одолженья),
За кукиш, каковой он сам же вам подносит...
Ведь кукиш *тратится* в процессе подношенья!
- 3 *Плагиатор*

И с мыслекрадом полон будь любезности:
Зови его не хищником словесности,
А... сборщиком фольклора безымянного
В среде поэтов мировой известности.
- 4 Мудрец вопросы миру задает.
Дурак ответы точные дает.
Но для того ли мудрый вопрошает,
Чтоб отвечал последний идиот?

- 5 С холодностью снегов мы чистоту связуем,
Но «жизненным теплом» блудливость именуем.
Скажи: нельзя ли быть и чистым и живым?
Трагический исход — неужто неминуем?
- 6 Сто тысяч лет подряд погонщик бил осла.
Сто тысяч лет подряд из раны кровь текла.
Но кто дерзнет сказать, что в мире не хватало
При этом трепетности, ласки и тепла?
- 7 Шалуны Языка, ослепительные пустомели!
А видать, не напрасно вы так в языке нашумели?
Это бунт *обычайности*, скрипку ломающей с треском,
Чтоб никто не узнал, что играть вы на ней не умели.
- 8 «Что есть Истина?» — голос раздался в ночных
небесах,
Обратясь к Языку (что всегда как солдат на часах).
А Язык — промолчал. Потому что «решительной ломке»
Подвергался как раз... И стоял в это время в «лесах».
- 9 Есть, есть разрыв — ручаюсь головой! —
Меж сущностью и формой стиховой:
От формы — пляшешь, носишься, летаешь...
От сути — ковыляешь, чуть живой...
- 10 — Чего тебе, тоскливое создание?
— Мне дайте форму. Но — без содержания.
Я формалистка. Ибо только форма
Еще не причиняла мне страдания.

11 *А меня осенило!*

За что седой Восток так долго и упрямо
Хайяма избегал? А тут была программа:
«Қоран или Хайям»,— сказали мусульмане
И так естественно избрали... не Хайяма!

12 Какие ни имей жестянщик недостатки,
Не отразиться им на мировом порядке.
Философ и халиф! На мягком воске мира
Лишь *ваших* слабостей застынут отпечатки.

13 Поэт не о себе скорбит. Как ни тяжка
Зависимость певца от черствого куска,
Стократ ему больней, что от куска зависят
Умы, характеры, народы и века.

14 В дыму интриг, убийств и зуботычин
Лишь Летописец сдержан и приличен.
Держись, не падай! Ибо в целом мире
Один за всех ты должен быть логичен.

15 Весь век преподает. Но что же и о чем?
Он отрицает смерть. И точно — нипочем
За принцип не умрет. Он жизнь рекомендует.
Но жизнь и без него как будто бьет ключом?

16 Когда заносчивость припишут вам лукаво,
Но и на равенство у вас отнимут право
И каждой курице позволят клюнуть вас,—
Ловите этот час и знайте: это — слава.

17 Не верь, что постоянство приедается.
Такая мысль ничем не подтверждается:
Когда ж успело б нам приесться качество,
Которое так редко попадается?

18 Небольшое уточнение

Поскольку в историческом потоке —
Куда ни погляди — кипят пороки,
Давай не на историю молиться,
А на ее прекрасные уроки!

19 Преемственность

Вбежал и уязвленно заявил:
«Сальери никого не отравил!»
Возможно. Но спустя два века после странной
Кончины Моцарта — откуда этот пыл?

20 Бесчинства объясняются войной.
Зловредный нрав — природою дурной.
И только честь ничем не объяснима.
Но верить можно — только ей одной.

* * *

..Он же гений..

А. Пушкин

Глупцы, пускаясь в авантюру,
С одной лишь низостью в душе,
Себе приписывают сдуру
Всю авантюренность... Бомарше!
Естественно, у бомаршистов
Ум изощрен, размах неистов:
Сейчас дракона обкрадут!
Змею вокруг пальца обведут!
Но...
Жертвы их корысти страстной,
Как поглядишь со стороны,
То беззащитны, то больны,
То простодушны и несчастны...
Так верят в добрую судьбу!
Столь кротко носят на горбу
Груз незаслуженных мучений,
Что Бомарше
(Добряк и гений!)
Перевернулся бы в гробу.

НА ПОЭТА, ПИНАЮЩЕГО СОБАКУ

Поэт,
Пинающий собаку,
Божусь,
Не вступит с тигром в драку.

И не напишет, хоть убей,
Ни «Илиад», ни «Одиссей».

А в довершение обиды,
Не сотворит и «Энеиды».

* * *

У лорда Байрона был пес,
Любимый Байроном
Всерьез.
«Друг самый верный, самый близкий», —
Писал о нем поэт английский...
А ты — собаку пнул ногой.

Нет, ты не Байрон! Ты — другой.

ПРИМЕР ВЕЛИКИХ

Одному коллеге

Если в сочинительстве любом
Надобно влияния искать,
Думаю, что яростный Рембо
Вашей музе взялся помогать.

Нет сомнений! — вас ведет Рембо.
Как мужик с соломой в волосах,
Как силач, способный ткнуть в ребро,
Ну и... как хороший коммерсант.

ОБРАТНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

Шелковистый бейт я делаю из камня.

Рудаки

«Я из камня сделал шелковое слово»,—
Некогда сказал великий Рудаки.
Да. Но он не знал, что переводчик
Снова
Сделает кирпич
Из шелковой строки.

* * *

«Поэзия должна быть глуповата»,—
Сказал поэт, умнейший на Руси.
Что значит: обладай умом Сократа,
Но поучений не произноси.

Не отражай критических атак,
Предупреждай возможность плагиата...
Поэзия должна быть глуповата,
Но сам поэт — не должен быть дурак.

АРГУС

Когда впаду в какую-либо страсть,
Я внутреннего сторожа встревожу.
«Почто,— спрошу бессмысленную рожу,—
Даешь мне лгать, подглядывать и красть?»

«Но случай-то,— польстит мне нечестивец,—
Особенный! Как на голову снег!
Другим нельзя. А это лжет — правдивец.
Подглядывает — честный человек!»

АКУЛА

Акула быстрая, с бездушной парой глаз —
Идея голода без мантий и прикрас!
С полуразинутым, как при вдыханье мухи,
Ртом-полумесяцем, прорезанным на брюхе,
Ртом, перевернутым тоской концами вниз...

Промозгла и сыра, как мраморный карниз.
Но преисполнена убийственного пыла,
Тяжеловесного, как скачущее мыло,—
Неутолимая акула южных вод!

В огромный мир морей ты заслонила вход.
Секуще проносясь над полушарьем ярким,
Ты строишь из прыжков твоих зеркальных
Арки,
Из блеска — без конца
Ворота создаешь,
Но ни в одни из них проникнуть не даешь.

ШПАЛЫ

Поэма

За осинами, за дубами,
За склоненными к далям столбами
Серой станции стон лебединый
Пролетает по линии длинной.

За осинами сыро, овражно,
Тени ночи болезненно впалы...
Только там хорошо и не страшно,
Где высоко проложены шпалы.

Вечерами тоски и печали
Хоть немного меня занимали
Эти жирные черные доски,—
Эта лестница в детском наброске.

Эта частая клавиша сажу,
Нота стойкая (даже не гамма!),
Эта дума одна и та же,
Повторяемая упрямо.

Черных мыслей не заитожить,
Как ни встряхивай, опыт, копилкой...
Шпалы — словно одно и то же,
Умножаемое копиркой.

Но пространство их гордо лелеет,
Руки мрака ласкают сурово,
И песок между шпалами тлеет
Теплым зеркалом света дневного.

Даже в полночь, — как тонким мученьем
В низком проводе ноет доука, —
Между шпал неусыпным свеченьем
Утро теплится близоруко.

Вьюга ль кольцами снег завивает, —
Не бывают холодными шпалы;
Вечно издали их нагревает
Звук довременный,
Звук запоздалый...

И покуда теплом нагнетанья
Поезда не нагреют их сами,
Греет их
Поездов ожиданье
И прощание с поездами.

Паровозик ли в дали заклятой
Только-только приходит в движенье, —
А уж катится искра-глашатай
Возвестить о его приближенье.

Если ж ливни из туч опрокинут
Оружейную лавку булатов,—
И под ливнями шпалы не стынут,
Как рабочие руки мулатов.

Даже в самом пустынном отрезке,
Где уж хочется выть захолустью,
Звуки в рельсах так бодры и резки,
Так не вяжутся с тягостной грустью!

И в лесах, где затворница-зелень —
Как подтек на стене монастырской,
Где под черным пожатием елей
Дух надломится — хоть богатырский,

Где сугроб залежался апрельский,
От молчанья лесов — одичалый,
Есть железная логика — рельсы.
Есть надежная истина — шпалы.

Вижу дым паровозный над пашней,—
Недвижима у дыма вершина...
Слышу клик сиротливо-протяжный,—
Будто джинн прокричал из кувшина
На далекой черте горизонта,
На пустынном прилавке заката,
Где вечернее свежее золото
Израсходовалось куда-то...

Грустью вечера пахнет железо,
Уголь, камень... Беззвучные галки
Оседают на волосы леса,
Как старушечьи полушалки...
Из лощин
Полузвуки истомы
Вырастают, как рожки улиток.
Это ночи больные фантомы
Или прозы дневной
Пережиток?

Ничего мне о том не известно.
Но хотя бы там, дальше, геенна,—
Как мне странно и как мне чудесно,
Что дорога и впредь — несомненна!

...Глядя под ноги зачарованно,
Вижу ил паровозного свиста.
И в лучах семафора червонного,
Как бы спичек, наструганных ровно,
Ровный счет в голове трубочиста...

Я шагаю по этим ступеням,
По добротным, испытанным теням:
Путь по шпалам не может не сбыться.
Невозможно на нем заблудиться.

Сам их вид подгоняет и греет,
Вроде нарт, управляемых взглядом...
Мощь пространства у насыпи реет,
Как погонщик, шагающий рядом...

За штакетником шпал
Пробегают
Дух Порядка (чумазый, но свежий),
И меж пальцев их черных
Мелькает
Белолобый рассвет побережий.

ЧЕЛОВЕК

Сквозь туман заблуждений, сквозь дебри сомнений
Пробирается вдаль человеческий гений:
Зажигает фонарь на вершине маячной,
По тростинке проходит над пропастью мрачной,

В тяжких недрах земли обливается потом,
На серебряных крышах стоит звездочетом,
Над морями на тихом летит монгольфьере,
Разбивается насмерть на личном примере.

Он на землю приходит то пылким Икаром,
То бесстрашным и добрым Алленом Бомбаром,—
Личным другом Надежды, врагом Заблужденья,
Чья рука равносильна руке провиденья,—

Фермопильским вождем, капитаном «Кон-Тики»,
Человеком, бегущим на дальние крики...
Летописцем, исполненным вещего рвенья,
Мудрецом, забывающим только забвенья...
В каждом веке он первый. Но в деле, в котором
Подозренья в корысти покажется вздором,

Где никем не могло бы тщеславие двигать,
Где гляди не гляди, а не выглядишь выгод:

Между койками ходит в чумном карантине,
Служит крошечным юнгою на бригантине,
Над полями сражений, как в тягостной сказке,
Кружит ангелом с красным крестом на повязке...

И на крылья свои, с неизвестной минуты,
Надевает суровые тайные пути,
Чтобы в грусти своей и себе не сознаться,
Чтобы в самом страданье своем — не зазнаться.

Ибо нет на земле и не будет деянья,
Чтобы стоило ангельского одеянья.
Ибо странно мечтать о божественной эре,
Не побыв человеком в достаточной мере.

Сквозь туман заблуждений, сквозь дебри сомнений
Пробирается вдаль человеческий гений:
Зажигает фонарь на вершине маячной,
Чтоб горел его свет, как венец новобрачной.

И титаны приходят в раздумье глубоком,
И кончаются в муках, когда ненароком
Застревают, как стрелы, в их ноющем теле
Их конечные, их бесконечные цели.

Убегаем от чар, возвращаемся к чарам,
Расправляемся с чарами точным ударом...
...Далека же ты в небе, звезда Идеала!
Но стремиться к тебе — это тоже не мало.

СОДЕРЖАНИЕ

Зеленый дождь

Дождя так и не было...	9
Зеленый дождь	11
После дождя	13
«Цвел ли, не цвел ли...»	15
Ласточкина школа	16
Окно	20
Речь в защиту мыльных пузырей	23
Поэт	25
Световая бочка	26
Солнце осеннее	28

Веселье живописи

Иней	33
Пейзаж-посылка	34
«Возле ольхи высокой...»	36
Веселье живописи	38
Лоза вдали	41
Питер Брейгель-старший (<i>Поэма</i>)	42
«За санаторием...»	53
Жизнь и книга	54
Сию же минуту проверить веками!	57
«Весной, весной...»	59

Перья для стрел

Конец авантюризма	63
«Кудри, подъятые ветром...»	65
«Что значит мещанин...»	67
На пороге ночи	68
Греция (<i>Поэма</i>)	71
Песня Свободы	75
Мечта о недруге	77
Чужой	79

Пестрый ларчик

«Определенья поэзии нет...»	83
Переводчик	85
Баллада круга	86
Познание	89
Рожь	92
Ошибки зависти	94
Подземелья	96
Лики льда	97
Пестрый ларчик	100
«Глупцы, пускаясь в авантюру...»	104
На поэта, пинающего собаку	105
Пример великих	106
Обратное превращение	107
«Поэзия должна быть глуповата»..»	108
Аргус	109
Акула	110
Шпалы (<i>Поэма</i>)	111
Человек	116

Матвеева Новелла Николаевна

Ласточкина школа

М., «Советский писатель», 1973, 120 стр. БЗ № 41—19—1973. Художник Т. А. И в а н и ц к а я. Редактор Е. С. Е л и с е е в. Худож. редактор В. В. М е д в е д е в. Техн. редактор Ф. Г. Ш а п и р о. Корректор И. Ф. С о л о г у б. Сдано в набор 14/VI 1973 г. Подписано к печати 22/X 1973 г. А 02206. Бумага 70×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 3³/₄ (5,25). Уч.-изд. л. 3,05. Тираж 50 000 экз. Заказ № 384. Цена 33 коп. Издательство «Советский писатель», Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

ГТ

